

УДК 811.35

DOI: 10.31029/vestiyali28/1

ЯЗЫК УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ АВАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Б. М. Атаев,

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

Устно-поэтическое творчество сыграло огромную роль в развитии аварского языка, в частности в формировании, становлении и развитии письменно-литературных норм. Именно фольклор оказал благотворное влияние на становление и развитие повествовательных жанров аварской художественной литературы. Уже на заре своего развития аварская художественная литература использовала выработанные в фольклоре все выразительные средства разговорной речи. Чеканный слог устно-поэтического творчества аварцев, его богатый словарный состав, сложные синтаксические конструкции явились основой становления письменных литературных норм.

Ключевые слова: дагестанские языки, аварский язык, становление и развитие литературных норм, источники формирования, роль устного народного творчества.

Oral and poetic creativity played a huge role in the development of the Avar language, in particular, in the formation, formation and development of written and literary norms. It was folklore that had a beneficial influence on the formation and development of the narrative genres of Avar fiction. Already at the dawn of its development, Avar fiction used all the expressive means of colloquial speech developed in folklore. The hammered syllable of the oral and poetic creativity of the Avars, its rich vocabulary, complex syntactic constructions were the basis for the formation of written literary norms.

Key words: the Dagestan languages, the Avar language, formation and development of literary norms, sources of formation, the role of oral folk art.

Мнение о языке устного народного творчества как об основном источнике формирования литературного языка было высказано в свое время Н. Я. Марром в связи с абхазским языком: «И устная литература носит в себе все качества создательницы общего языка. В частности в абхазской устной литературе и сейчас, когда работа только что начата собиранием ее памятников, мы находим, очевидно, давно сложившийся общий во многих отношениях литературный язык» [10, с. 126]. С подобной формулировкой трудно не согласиться. Видимо, лишь требует уточнения само понятие литературного языка: в данном случае речь может идти только о его конкретной разновидности – одной из составных частей, слагающихся затем в единую общую картину.

В этой связи А. В. Десницкая отмечает, что фактор устойчивости стереотипных моделей языка фольклора «играет определяющую роль в создании сублимированной формы устной народной речи, которая и по своей функции, и по своим формально-стилистическим признакам, а также и по характеру лексики отличается от речи повседневно-бытового общения» [5, с. 34]. Огромную роль устно-поэтического творчества в развитии языка, в частности в формировании письменно-литературного языка, преемственность, которая существует между устно-поэтической речью и литературным языком, подчеркивают на материале адыгских и других западнокавказских языков З. Ю. Кумахова и М. А. Кумахов [7, с. 335].

На материале аварского языка аналогичные связи подчеркивали литературоведы, ср.: «Богатое устно-поэтическое творчество долгое время оставалось почти единственным и основным средством выражения богатства душевного мира аварца. Самобытный фольклор

аварцев характеризуется развитой жанровой системой, в нем представлены все жанры народного творчества. Особенно богата песенная поэзия, включающая в себя календарно-обрядовые, колыбельные, свадебные песни, похоронные причитания, лирические и эпические песни, частушки. Развитая народная поэзия определила зарождение и развитие дореволюционной аварской литературы в поэтическом русле» [12, с. 10].

Рассмотрим на конкретном материале те черты, которые отличают язык устного народного творчества на примере жанра, наиболее демократичного по содержанию элементов разговорного стиля – бытовой сказки (анализ проводился по материалам сборника «Сатира и юмор народов Дагестана») [11].

Уже названия сказок представляют собой достаточно ограниченные в формальном отношении модели:

1) название представляет собой слово, обозначающее одного или нескольких главных персонажей: *Бологи бегавулги* ‘Боло и староста’, *Клиго нухлулав* ‘Два путника’ и др.;

2) название представляет собой слово, обозначающее предмет или явление – основу сюжета: *Малланасрудинил юргъан* ‘Одеяло Молланасрудина’, *Катил тавбу* ‘Обет кошки’ и др.;

3) название представляет собой цитату (как правило, из речи одного из персонажей), взятую из непосредственного текста практически в любой форме: *Чодул рильгильин кинаб бу-геб?* ‘Каков бег лошади?’, *Дунги рикIкIани, лъабго вацц вго* ‘По-моему, пять братьев’ и др.

Такое положение, по-видимому, объясняется тем, что исконное название не было закреплено за тем или иным текстом и не включалось в его структуру.

Сказочный текст обычно начинается традиционной формулой *ВукIанила-вукIинчIила...* ‘Был-не был...’ (ср. рус. *Жил да был...*). Во вводных предложениях активно используется числительное *цо* ‘один’ в функции неопределенного артикля (по типу *Цо росуль цо чи вукIанила* ‘В одном селе жил один человек’).

Сказочные тексты характеризуются сравнительно простой структурой предложения. Средняя длина предложения составляет около 11 слов. Эта простота складывается из ряда более конкретных особенностей. Например, в подобных текстах практически отсутствуют комплексы из двух генитивных определений подряд, ср. *нухлуласул раглабазул магIна* ‘смысл слов путника’.

Наиболее типичным для сказочных текстов является использование заглавной формы с частицей *-ила*, свидетельствующей о том, что говорящий не является свидетелем описываемых им событий. Эта частица маркирует практически каждый предикат в тексте. Однако такое использование не является обязательным. В целом же правила построения текста диктуют сквозное употребление либо сквозное отсутствие в тексте данной частицы.

Говоря об особенностях языка устного народного творчества, нельзя не обратиться к такому широко распространенному и употребительному жанру, как пословицы, поговорки и загадки: «Этот обширный пласт любого языка далеко не все специалисты относят к фразеологии, – пишет М. М. Магомедханов, – однако мы себя причисляем к тем, кто охватывает весь языковой материал, не создающийся в процессе речевого акта, а используемый готовыми конструкциями» [8, с. 29]. Наряду с крылатыми и меткими выражениями, а также речевыми штампами они образуют особую группу фразеологических единиц – «фразеологические выражения», или «коммуникативные фразеологические единицы».

Касаясь структурно-семантических особенностей пословиц и поговорок, М. М. Магомедханов [8, с. 30–36] отмечает следующие их характерные черты:

– замкнутость форм и назидательный смысл. Соответственно, в подобных структурах возрастает удельный вес повелительных и долженствовательных конструкций. Повелительные конструкции могут иметь как положительную (назидательную), так и отрицательную (предостерегательную) формы.

Ср. положительные формы (примеры цитируются по фразеологическому словарю [9]:

Ах цIехоге, цIибил кванай ‘Ешь виноград, не спрашивая чей сад’;

БагIарун букIаго бацIе махх ‘Куй железо, пока горячо’;

Басриябги цуне, циябги лъай ‘Храни прошлое, знай новое’;

Гемер лъай, дагь кIалъай ‘Много знай, мало говори’.

Отрицательные формы:

ГъитIинабги кIочон тун, кIудиялде вортуге ‘Не сделав маленьких дел, не берись за большие’;

Ги цунизе бац тоге, яс цунизе вас тоге ‘Не ставь волка сторожить овец, не оставляй парня стеречь девушку’.

ГонкIкIол кету гъабуге, катил гъалбацI гъабуге ‘Не делай из мыши кошку, а из кошки льва’.

Ср. одновременное использование положительной и отрицательной форм, формирующих противопоставление:

Годобе рехуге, Годоса босе ‘Не бросай на землю, а подбирай с нее’.

– долженствовательные конструкции:

Гадан лъазе ккани, цIамул пуд цадахъ кваназе ккола ‘Чтоб узнать человека, надо пуд соли с ним съесть’.

– использование параллелизма. Несколько таких примеров приведено выше. Естественно, что параллельные конструкции не ограничиваются повелительными или долженствовательными формами. Ср.:

Дица царада малъун, цараца рачIалда малъун ‘Я учу лису, лиса – хвост’;

ЛъикIаб чое цо цIал, лъикIав чиясе цо рагIи ‘Хорошему коню – один удар, хорошему человеку – одно слово’;

КIуго чIужу – кIуго тушман ‘Две жены – два врага’.

Параллелизм выполняет, как правило, функцию аналогии, как в приведенных выше примерах, но также служит и для передачи контраста:

МагIу хвалиль axIe, кечI берталъ axIe ‘На похоронах плачь, на свадьбе пой’.

В отдельных случаях контраст непосредственно передается противопоставлением положительной и отрицательной форм сказуемого:

МегIер мегIералде кколареб, гIадан гIадамасде кколев ‘Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдутся’.

Контраст не обязательно строится на параллелизме синтаксических построений, для этих целей иногда оказывается достаточным использование антонимов, ср.:

Метер гъабулeб жоялде жакъа ургъе ‘О том, что завтра сделаешь, сегодня подумай (= подумай, прежде чем сделать)’.

В данной пословице в антонимичные отношения вступают наречия *метер* ‘завтра’ и *жакъа* ‘сегодня’, в результате чего достигается контраст и глагольных лексем (*ургъизе* ‘подумать’ – *гъабизе* ‘сделать’), вне подобного контекста не противопоставляемых.

М. М. Магомедханов [8, с. 31] говорит также о тавтологичности, т. е. неоправданной избыточности выражения, как о структурной основе пословиц и поговорок, однако такое утверждение, на наш взгляд, является спорным, поскольку словесный повтор не означает еще смысловую избыточности. Скорее здесь может идти и речь об особом виде аллитерации, когда в предложение включаются сходно звучащие или просто идентичные слова, усиливающие параллелизм.

К структурным особенностям пословиц можно отнести также опущение глагола-связки, ср.:

ЛъикIлъи гъабурасе гъебги жиндиего, квешлъи гъабурасе гъебги жиндиего ‘Кто добро творит – все для себя, кто зло – тоже для себя’;

Лъимал гъечIeб рукъ – лъим бегараб гъобо ‘Дом без детей – мельница без воды’;

Лъимал – гъоцIо, боцIи – рухI ‘Дети – мед, состояние – душа’.

Весьма выразительный прием, используемый в пословицах и поговорках, употребление гипербола – намеренного преувеличения, ср.:

Бералда бихъараб – битIараб, гIиналда рагIараб – гьереси ‘Увиденное – правда, услышанное – ложь’ (естественно, что не все услышанное является ложью).

В настоящее время можно назвать целый ряд изданий, анализирующих устное народное творчество, причем в различной степени подвергшееся в них литературной обработке. Из этого следует, что современный литературный язык и язык устного народного творчества также связывают отношения обоюдного характера: речь современных мастеров художественного слова обогащается образцами устной народной речи, которая, в свою очередь, все более подвергается литературной обработке [Более подробно об этом см. 1; 2; 3; 4; 6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. Е., Атаев Б. М., Магомедов М. А., Магомедов М. И., Мадиева Г. И., Саидова П. А., Самедов Дж. С. Современный аварский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, изд-во АЛЕФ, 2012. 420 с.
2. Атаев Б. М. Очерки по истории формирования аварского литературного языка. Махачкала, 2000. 164 с.
3. Атаев Б. М., Магомедов Д. М., Атаева М. Б. Структура и способы цветообозначений в аварском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9–2 (75). С. 82–85.
4. Атаев Б. М. Цветообозначение в аварском языке. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН; Изд-во АЛЕФ, 2018. 168 с.
5. Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л.: Наука, 1970. 98 с.
6. Конджария В. Х. Из истории развития абхазского литературного языка. Сухуми: Алашара, 1984. 87 с.
7. Кумахова З. Ю., Кумахов М. А. Функциональная стилистика адыгских языков. М.: Наука, 1979. 359 с.
8. Магомедханов М. М. Вопросы фразеологии и фразеологии аварского языка. Махачкала, 1989. 86 с.
9. Магомедханов М. М. Аварско-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1993. 410 с.
10. Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. М.; Л., 1938. 439 с.
11. Сатира и юмор народов Дагестана: [сборник] / Дагестанский филиал АН СССР, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы; [сост. А. Ахлаков и др.; предисл. Х. Халилова, А. Ахлакова]. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1976. 400 с.
12. Хайбуллаев С. М. О дореволюционной аварской литературе Махачкала: Дагучпедгиз, 1974. 149 с.

Поступила в редакцию
28. 06. 2021.

Атаев Борис Махачевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН, e-mail: iyalidnc@mail.ru

Ataev Boris Makhachevich, Doctor of Philology, chief researcher, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS; e-mail: iyalidnc@mail.ru